

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

EX LIBRIS

Тунгус Ваксман и охранник Ощепков

Писатель-эссеист представил читателям свой первый роман

Юлия Баталина

Презентация книги Семёна Ваксмана в библиотеке им. Пушкина 18 марта вылилась в сложносочинённый монолог автора. Порой непросто было следить за причудливой логикой рассказчика, выстраивавшего сложные цепочки ассоциаций, но литературные завсегдатаи слушали, как загипнотизированные. И правда, бесконечный рассказ Ваксмана был сродни гипнозу. Казалось, он может длиться вечно, и автор прервал его произвольно, когда часы отмерили ровно час презентации. А мог бы продолжать и продолжать.

Начал он неожиданно: «Сегодня великий день...» Публика напряглась: как раз в этот момент в соседнем Театральном сквере митингующие по случаю годовщины присоединения Крыма к России граждане затянули: «Все мы русские по сути, наш президент — Владимир Путин». Неужели и Ваксман? Оказалось, что писатель имеет в виду 50-летие выхода в космос космонавта Алексея Леонова. «Следующий его шаг был уже на пермской земле», — прокомментировал событие Ваксман.

И понеслось. От космонавта Леонова — к геолого-разведочному прошлому Ваксмана (он во время приземления аппарата как раз был по соседству, недалеко от Березников); от геолого-разведки — к Родерику Мерчисону; от пермской геологической системы — к этимологии слова «Пермь», а оттуда недалеко и до Перми литературной. Ваксман относится к ней буквально и в каждом связанном с Пермью произведении находит точную топографию, привязку к реальной местности. Например, кирпичный завод, на который отправилась после замужества Ирина Прозорова из «Трёх сестёр», находился в Оверятах; овраг, где стрелялись Солёный с Тузенбахом, — где-то в районе нынешнего Театра-Театра; а изгиб железной дороги, где проезжающий на медленном поезде Юрий Живаго увидел стрелочницу, — это возле завода «Морион».

Пермь для Ваксмана прослоена литературой и прочими смыслами. Для него важнейшая составляющая

отношения к месту жительства — его архаичное имя: «Дальняя земля». Об этом слове во всех его значениях писатель может рассуждать бесконечно. Возможно, именно непривычное звучание и волнующее, зовущее взглянуться в прошлое значение слова и стали причиной того, что после учёбы в Москве и работы на Дальнем Востоке геолог, во-первых, на долгие десятилетия осел в Перми, а во-вторых, стал писателем, тщательно разбирающимся со словами и их значениями.

К собственному имени Семён Иегудович относится творчески и отчасти иронически. По этому поводу он рассказал на презентации книги целых две байки. Во-первых, о том, как он реагирует, если где-то, ну, например, в общественном транспорте, слышит слово «чурки» по отношению к гастарбайтерам. «Нехорошо говорить «чурки». Надо говорить «тунгусы!» — мягко поправляет говорящего писатель и добавляет: — Я тоже тунгус. Вообще-то я финн, и моя фамилия Ваксманен».

Вторая байка из этой серии — о знакомстве с Анатолием Жоховым, культорологом и альтистом. «Моё имя выговорить невозможно, — застенчиво представился писатель, — Семён Иегудович Ваксман!» Жохов на это бодро ответил, что как раз очень просто и выговорить, и запомнить, особенно для музыканта: «У меня всё детство прошло под музыку Иегуди Менухина, дома полное собрание его записей, а композитор Франц Ваксман написал концерт для альта, и он у меня в репертуаре!»

Понятно, что, будучи столь внимательным к именам собственным, Ваксман и названия книгам даёт не случайные. Его новая книга носит длинное двойное имя, потому что состоит из двух частей: «Охранник южного входа, или Пермская обитель». Изначально книга называлась «Пермская обитель». «Избитое, конечно, название, но очень точное», — считает Ваксман. Изменить его заставило то, что у Захара Прилепина вышел роман «Обитель» — о Соловках 1920-х годов, где лагерная жизнь показана как полная идиллия: заключённые там и стенгазету издавали, и театр устроили. Читая Прилепина, Ваксман вспомнил мемуары академика Дмитрия Лихачёва, заключённого Соловков, который рассказывал о так называемой децимации, когда расстреливали каждого десятого, и о том, как ему удалось от этой децимации спрятаться.

Оказаться рядом с «Обителью» Прилепина Ваксману не хотелось, и он немножко «отодвинулся». Охранник южного входа, заглавный герой романа Иван Степанович Ощепков — вахтёр на проходной моторостроительного завода им. Свердлова. Фамилию герою Ваксман придумал опять не просто так: исходил из выражения «Лес рубят — щепки летят». Иван Степаныч как раз и есть небольшая такая щепочка в истории.

Дело происходит в Перми 1990-х годов. Моторостроители напряжённо следят за новостями об автоматической космической станции «Марс»: если полёт удастся, то всем выдадут зарплату. Но «Марс» до Марса не долетает, тонет в Марианской впадине, и приходится заводчанам месяцами обходиться без наличных. Они не унывают: копают картошку на огородах, собирают клюкву в окрестностях станции Курашим. При этом от работы не отлынивают, хотя и сидят без денег: Иван Степаныч сторожит свой южный вход так, что «мышь не прокоччит».

Ваксман характеризует эту книгу как свой первый роман, первое художествен-

ное произведение. Но, как видим, хоть писатель и попытался отойти от излюбленной литературы pop fiction, всё же без исторической и бытовой правды о любимом городе здесь не обошлось, как исторические и литературоведческие эссе Ваксмана никогда не обходятся без изрядной примеси авторской фантазии.

Насколько реальность и фантазия у Ваксмана перемешаны, хорошо видно на примере вставной главы «Ошибка референта». Там речь идёт о том, что некий российский президент (не уточняется который, хотя очевидно, что речь идёт о Борисе Ельцине) во время официального визита в Японию допустил непростительную дипломатическую оплошность: пригласил императора с ответным визитом в Россию. Император Японии, как известно, никогда не покидает Японию. И вот «самураи» ломают головы: как быть? Нельзя ответить отказом, но и согласиться нельзя! И тогда придумывается хитрый дипломатический ход: император согласен прибыть с ответным визитом на остров Кунашир — вроде как российская территория, но японцы считают её своей.

Теперь ломают головы в Кремле: совсем не хочется им проводить официальные встречи с японцами на спорных территориях. В Токио отправляется ответ: «Как сказано в докладе референта такого-то, господин император готов прибыть с визитом на станцию Курашим Пермской области, где мы готовы его принять с подобающими почестями».

Пришло японцам отвечать в том смысле, что император не может приехать в Курашим, потому что там птицефабрика, а он боится птичьего гриппа.

Вот такая байка. Ваксман признаётся, что отталкивался от реального визита президента в Японию, а весь дальнейший комический ряд вызван очаровавшим писателя сходством названий: Кунашир — Курашим.

И, судя по всему, для Ваксмана Курашим не только роднее, но и важнее.

